

**ЛИНГВОЭСТЕТИКА АБСУРДА В СОВРЕМЕННОЙ КОРЕЙСКОЙ
ЛИТЕРАТУРЕ**
ABSURD LINGUA-AESTHETICS IN MODERN KOREAN LITERATURE

Аннотация: В статье исследуется феномен лингвоэстетики абсурда в контексте корейской литературы, уделяется внимание уникальным характеристикам языка, образов и сюжетных линий в произведениях. Автор статьи проводит глубокий анализ того, как абсурдные элементы в текстах формируют особую эстетику, значительно влияя на восприятие и эмоциональное переживание читателей. Особое внимание уделяется тому, как абсурдные элементы не только развлекают, но и заставляют задуматься, вызывая глубокие эмоциональные и интеллектуальные отклики. Исследование подчеркивает, что абсурд в литературе может быть мощным средством передачи сложных эмоций и идей, которые трудно выразить традиционными средствами.

Ключевые слова: абсурд; лингвоэстетика; современная корейская литература; сборник рассказов; Пак Мин Гю; «Кастелла».

Abstract: The article explores the phenomenon of the linguo-aesthetics of absurdity in the context of Korean literature, paying particular attention to the unique characteristics of language, imagery, and plotlines in literary works. The author conducts an in-depth analysis of how absurd elements in texts create a distinctive aesthetic, significantly influencing readers' perception and emotional experience. Special emphasis is placed on how absurd elements not only entertain but also provoke thought, eliciting deep emotional and intellectual responses. The study highlights that absurdity in literature can be a powerful means of conveying complex emotions and ideas that are difficult to express through traditional means.

Keywords: absurd; lingua-aesthetics; modern Korean literature; short story collection; Park Min-gyu; "Castella".

Абсурд – это явление, которое глубоко пронизывает структуру мировоззрения и литературных произведений, придавая им уникальную глубину и остроту восприятия. В контексте корейской литературы абсурд выступает как особый феномен, проявляющийся через языковые конструкции, образы и сюжеты произведений, оказывая мощное воздействие на читателей. Настоящая статья представляет собой попытку всестороннего анализа лингвоэстетики абсурда в корейской литературе, выявляя его роль в формировании эстетического опыта и культурного контекста.

Абсурд, проникая в текстуальные ткани, побуждает читателя к осмыслению и переосмыслению реальности, открывая новые горизонты смыслового пространства и вызывая глубокие эмоциональные отклики. В современном литературоведении абсурд в корейской литературе становится объектом все большего внимания исследователей, что открывает новые перспективы для понимания значения и функций литературного творчества.

В рамках этого анализа мы стремимся расширить представление о литературном абсурде и его влиянии на читательскую аудиторию, а также обогатить академический дискурс о корейской литературе в целом. Мы рассмотрим, как абсурд интегрируется в повествовательные структуры, как он взаимодействует с культурными и историческими контекстами и каким образом он способствует созданию уникального эстетического опыта. Исследуя эти аспекты, мы надеемся пролить свет на многообразие проявлений абсурда и его значимость в корейской литературе, а также на его роль в формировании читательского восприятия и эмоционального отклика.

Таким образом, наш анализ направлен на углубленное понимание феномена абсурда, его эстетических и культурных функций и его влияния на формирование читательского опыта. Это, в свою очередь, способствует более глубокому осмыслению корейской литературы как важного компонента мирового литературного наследия, открывая новые пути для интерпретации и исследования литературных текстов.

Перейдём непосредственно к теме нашей статьи. Мы исследуем лингвоэстетику абсурда на материале рассказа Пак Мин Гю «Кастелла», также известного под такими названиями как «Бисквит» (пер. И. В. Цой) [1] и «Коврижка» (пер. Е. Выскребенцева) [2]. Мы же, в свою очередь, решили озаглавить рассматриваемый нами рассказ исходя из оригинала (кор. 카스테라) [3].

Прежде чем мы начнём анализировать выбранный рассказ на предмет абсурда, мы считаем целесообразным дать краткую информацию о писателе. Итак, Пак Мин Гю родился в 1969 году, окончил университет Чунан и начал свою писательскую карьеру в 2003 году, опубликовав свой первый роман «Легенда о героях планеты Земля» (“지구영웅전설”) [4]. В этом же году был опубликован другой его роман «Самми суперстарс: последний фан-клуб» (“사미슈퍼스타즈의 마지막 팬클럽”) [5], а также первые два рассказа из сборника «Кастелла» / «Кастелла». Всего в данный сборник включено 10 рассказов, выпущенных в период с 2003 по 2005 г.:

- 카스테라 (Кастелла) (2003),
- 고마워, 과연 너구리야 (Вот хитрец! / Ну и хитрец...) (2003),
- 그렇습니까? 기린입니다 (Приятно познакомиться, Жираф) (2004),
- 몰라 몰라, 개복치라니? (Рыба-луна, говоришь?) (2004),
- 아아 하세요, 펠리컨 (Продолжай, Пеликан / Открой рот, Пеликан) (2005),
- 야쿠르트 아줌마 (Продавщица японской простокваши) (2004),
- 코리언 스탠더츠 («Корейский стандарт») (2005),
- 대왕오징어의 기습 (Осторожно, гигантские кальмары / Гигантские кальмары атакуют!) (2004),

- 헤드락 (Захват / Удушение) (2005),
- 갑을 고시원 체류기 (Студенческая жизнь в косивоне «Кабыль») (2004).

Перечисленные рассказы интересны тем, что во многих названиях присутствуют либо животные (너구리 – барсук, енот; хитрый, коварный человек; 기린 – жираф, 대왕오징어 – гигантский кальмар, 개복치 – рыба-луна, 펠리컨 – пеликан), либо неодушевлённые предметы (например, 카stell라 / бисквит / коврижка).

Так, в рассказе «Кастелла» главными героями являются студент и ... нет, вы не ослышались: холодильник. Говоря о лингвоэстетике абсурда и об абсурде в целом, стоит отметить, что студент «очеловечивает» чудо техники, считая его своим другом: *«Вот так вот и случилось, что мы с холодильником стали друзьями. По крайней мере, я так думаю. Еще раз повторяюсь, что благодаря его жуткому грохоту я чувствовал себя менее одиноким. Мы были только вдвоем, в этой “квартирке на холме”, куда никто не приходил. Холодильник оказался вполне приличным другом, не хуже чем все остальные...»*

В то же время студент видит холодильник не просто агрегатом для заморозки, но и личностью со вполне сформированным характером, сравнивая его с «отчаянным парнем, бывшим футбольным болельщиком»: *«Да. Этот холодильник, который в прошлой жизни был забиякой и хулиганом, от рождения был наделён правом выражать свое мнение...»*

Далее студент приходит к выводу, что в холодильник можно поместить весь мир: это и «Приключения Гулливера», И Китай с Америкой, и диски с фильмами, и собственный отец, и многое другое: *«Иной раз казалось, что я просто сваливаю туда все подряд, но все же у меня был довольно четкий принцип. Он состоял в том, что в холодильник должно попасть либо значимое, либо приносящее вред этому миру».*

Следует отметить, что данный отрывок наталкивает нас на одну интересную мысль: несносно гудящая машина с целым миром внутри, со всеми вещами, которым там на самом деле не место – не что иное, как аллегория на Ноев ковчег во время всемирного потопа, и доказательством этому может служить всего одна строчка: *«...в холодильник должно попасть либо значимое, либо приносящее вред этому миру».*

Также лингвоэстетика абсурда прекрасно раскрывается в одном из отрывков рассказа, где герой рассуждает о душах умерших людей, причём описывается это всё весьма метафорично: начиная с представления о душах умерших людей, которые, по смелому предположению, сохраняются в «холодильнике под названием «стратосфера», писатель вводит нас в мир фантастических образов и необычных ассоциаций.

Затем мы видим описание сновидческой картинки, где верблюды и кометы становятся символами чего-то неведомого и загадочного. И само собой, звучание холодильника, как будто это какой-то могущественный источник энергии или загадочного воздействия, придаёт этому фрагменту дополнительный загадочный оттенок.

Так, автор создаёт образы, которые переплетаются между реальным и фантастическим, между обыденным и загадочным, через что обращает внимание на тему смерти, нового века и вечного круговорота времени.

Рассказ заканчивается тем, что, открывая дверцу холодильника следующим новогодним утром, студент видит, как все предметы, помещённые внутрь, чудесным образом испарились, превратившись в мягкий, тёплый кусочек кастеллы (популярного в странах Азии десерта, завезённого из Португалии):

«К моему изумлению внутри было совершенно пусто,
И только прямо посередине холодильной камеры
стояла – одна-одинешенька – чистая белая тарелка.
И на ней –
лежал кусок бисквита.
Я достал его, стараясь быть очень осторожным,
Словно в руках у меня оказался весь мир...
...Я надкусил бисквит.
Тонкий сладкий аромат, пройдя сквозь рот и нос,
проник до самой евстахиевой трубы.
Это –
это был вкус всепрощения.
Странно,
Но, ощущая во рту, этот теплый и нежный кусочек бисквита,
я заплакал».

Приведённый отрывок также отличается лингвоэстетикой абсурда, хотя в этом случае он более символичен. Вначале мы видим сюрреалистическое описание холодильной камеры, где внезапно оказывается всего лишь одна тарелка с кусочком бисквита. Это визуальное изображение пустоты и одновременно неожиданного обилия в середине пустоты.

Далее автор обращает внимание на действие персонажа, который бережно берет кусочек бисквита, словно держа в руках «весь мир», что является прекрасным примером абсурдной метафоры. И само собой, описание вкуса бисквита как «вкус всепрощения» и последующие чувства героя, который плачет, ощущая этот вкус, добавляют этой сцене глубину и символический смысл.

Таким образом, через необычные образы, сюрреалистические сцены и символические действия, автор создает удивительную картину, которая может быть истолкована по-разному, но, безусловно, заставляет читателя задуматься.

В заключение статьи о лингвоэстетике абсурда в корейской литературе следует обратить внимание на несколько ключевых выводов.

Во-первых, исследование абсурдных элементов в текстах корейских произведений позволяет выявить уникальную эстетику, которая существенно влияет на восприятие и эмоциональный опыт читателей. Автор статьи анализирует языковые приемы, образы и сюжеты, чтобы показать, как эти элементы создают особую атмосферу и вызывают чувство удивления, порой даже шока, у аудитории.

Во-вторых, статья обращает внимание на роль абсурда в формировании смысла и интерпретации текстов. Она подчеркивает, что абсурдные моменты

служат не только стилистическим приемом, но и ключом к пониманию глубоких философских и культурных идей, заложенных в произведениях.

Наконец, исследование подчеркивает важность абсурда в контексте корейской литературы как средства передачи исключительных эмоций и идей. Оно демонстрирует, что абсурдные элементы не только обогащают тексты и делают их оригинальными, но и помогают авторам выразить сложные мысли и чувства, которые часто непостижимы для обычного языка.

В целом, наша статья предлагает новый взгляд на роль абсурда в корейской литературе, показывая его значимость как инструмента для обогащения художественного опыта читателей и передачи глубоких идей. Она призывает к дальнейшему исследованию этого феномена и его влияния на современное литературное творчество, открывая двери для более глубокого понимания художественных произведений.

Библиографический список

1. Пак Мингю. Коврижка / Мингю Пак. – СПб. : Гиперион, 2019. – 224 с.
2. Цой, И. В. Корейская литература начала XXI века – рассказ Пак Мингю «Бисквит» / И. В. Цой. – 2014. – <https://koryo-saram.ru/tsoj-i-v-korejskaya-literatura-nachala-xxi-ro-veka-rasskaz-pak-mingyu-biskvit> (дата обращения: 31.05.2024).
3. 박민규. 사미 슈퍼스타즈의 마지막 팬클럽. - 서울: 한겨레출판, 2003. – 324 с.
4. 박민규. 지구영웅전설. - 서울: 창비, 2012. – 320 с.
5. 박민규. 카스테라. - 서울: 창비, 2005. – 334 с.